Прошло меньше двух минут, прежде чем они достигли места падения огненного шара. Волны жара пульсировали от Инни, ее обычно черный мех переливался красными и желтыми волнами. Перед ней завыл Малфис, его длинные руки и скрученная голова подергивались, когда они горели. Она упала на улицу, но Инни была еще далека от того, чтобы покончить с обидчиком. Ее хвост дернулся раз, другой, и облака светящейся пыли заискрились, когда их сдуло с ее усов.

- Не подходи! - Сказал Эфрейн, остановившись как вкопанный. Остальная часть отряда чуть не врезалась в него, но они держались на расстоянии, особенно когда последовавший взрыв испепелил существо, не оставив ничего, кроме разбитой каменной кладки и почерневшей плоти.

- Ну, - сказал Найя, его смех был тонким, - кажется, мне не нужно было бояться их сопротивления огню.

Инни наконец, казалось, заметила их присутствие, повернувшись к ним, когда красные вспыхнули синим по ее бокам, показывая, насколько она была взволнована на самом деле. Жар слегка потускнел, когда она подошла к ним, изогнув хвост, как какая-то угрожающая булава.

- Ну, молодые люди. Наконец-то счел нужным догнать меня. Не волнуйся, этот был на хвосте того отвратительного клада. Впереди еще много всего, чтобы притупить ваши клинки. - Сказала она, повернувшись лицом к пожару, который поглотил ее окружение.

- Это хорошо, но мы не можем перейти улицу, Инниалисия, - сухо заметил Эфрейн. Даже ему нужно было время от времени напоминать, насколько сильна Инни.

- О, как грубо с моей стороны, - сказала она, и ее усы дернулись.

- Вам захочется закрыть глаза, мужчины. - Сказал Эфрейн, чувствуя, как усиливается горячий ветер. Огонь, казалось, был вырван из домов и булыжников, оставляя за собой черные полосы. Единственное пламя, которое осталось, было тем, что покрывало Малфиса, который в этом месте больше походил на лужу.

- Пошли, - сказала она и пошла вниз по улице. Эфрейн последовал за ней, как и остальные солдаты, вышагивая по улицам.

Через несколько минут они наткнулись на первые трупы. Некоторые были разбиты или изрезаны, порезы и лужи багрового цвета были разбросаны по улицам и зданиям. Еще хуже были те, которыми “питались” злые, белая плесень, если это была она, распространялась по черепу или руке, пока не достигала груди. Плоть сложилась наружу, как некое гротескное оригами, неестественно извиваясь, кости и вены вплавились в ткань. Эфрейн опустился на колени, чтобы получше осмотреть рану…. не слишком аппетитно.

- Ну, эти Малфеасы, похоже, воспринимают понятие сердце буквально. - Сказал он, глядя на лицо мужчины, искаженное агонией.

- Да, - ответила Найя. В его глазах снова появился тот же самый свет, тот же самый, который был там для того рыцаря, который унизил Лилиан у костра, а также нападение ранее в тот день. Они двинулись вперед по булыжной мостовой, скользкой от крови горожан.

Наткнувшись на группу Малфисентов, твари стали преследовать постоянно растущую группу бегущих людей. Несколько рыцарей взревели, твари повернулись в ответ на громкий шум. Некоторые были громоздкими, мускулистыми и хрустальными, когда они размахивали

огромными уродливыми кулаками. Другие были более гибкими, их вытянутые конечности скребли по булыжникам, когда они на четвереньках бросились на вторжение.

Рыцари стояли спокойно, держа мечи в руках, и равномерно распределяли их, когда бормочущая орда текла к ним. Городские стражники стояли позади них, нервно поигрывая своим потрепанным оружием. Один из громадных зверей прыгнул вперед, его рев практически сотрясал булыжники, когда он поднял над собой молот, похожий на кулак.

Затем рыцари двинулись вперед.

Эфрейн, стоявший в стороне, мог видеть последовательность, когда они расходились, как танцоры, по обе стороны от удара. Кулак твари обрушился на улицу со взрывом осколков и пыли. Мечи блеснули в лунном свете, существо рухнуло на колени, когда клинки впились в его ноги, а затем его голова уплыла на улицу. Обезглавливающий рыцарь развернулся лицом к Орде, когда существо рухнуло на Землю, уже погружаясь в булыжники.

Солдаты стояли, завороженные зрелищем, пока Найя не закричал:

- Брейк!

А потом эти твари набросились на них - клыки и кулаки, зубы и хрусталь. Остальное было жестоким, кровавым делом - рыцари крутились и пригибались, когда их клинки резали плоть, разбрызгивая темную кровь по всей улице. Следующая, где охранники, не столь хорошо обученные или опытные, но сумевшие загнать в угол и подчинить себе меньшие, менее опасные формы.

Эфрейн, со своей стороны, остался позади, направляя огонь Инни. Несмотря на всю свою мощь, Инни иногда не хватало точности, чтобы гарантировать, что ее собственные союзники не сгорят. Там, где он мог, он спотыкался или замедлял существ - смягчая улицу, чтобы споткнуться, используя каменную пыль, чтобы обвить их головы, заставляя их качаться вслепую.

Он испытал особое удовлетворение, выстрелив большой пулей прямо в голову, когда она обрушилась на поверженного рыцаря. Тварь отшатнулась, колотя себя по голове острыми когтями. Рыцарь с трудом поднялся на ноги, описав мечом смертельную дугу и отрубив одну из рук чудовища. Он пронзительно закричал, падая на землю, и замахнулся на рыцаря, когда они вонзили клинок в его голову и бросили на улицу внизу. Малфисент дернулся, его голова скользнула вверх по лезвию, а руки согнулись и задергались, прежде чем снова лечь на камень.

Больше, чем когда-то, солдатом пошел проплывающих мимо Эфрейн, посадка с катастрофой раскола древесины и стекла или глухие удары по камню. Эфраин смог лишь на мгновение проявить сочувствие, прежде чем отплясывать от очередного удара, чтобы ответить раскаленным добела огнем. Хаос был центральной темой битвы, только уличные фонари и огонь Инни отбрасывали мелькающие тени. Даже ночное зрение Эфрейна не помогало справиться с давкой размытых конечностей и стальными взглядами.

К концу его тела существ были разбросаны по всей улице, лужи крови смешались с кровью гвардейцев и рыцарей. Эфрейн стоял, скрестив руки на груди, и смотрел, как последнее существо, жилистое существо из сухожилий и когтей, было сбито с ног и презрительно уничтожено рыцарями. Несколько человек лежали среди упавших, измученные, стонали и кричали в агонии. Найя встал, его лицо было забрызгано кровью, когда он медленно помог другому рыцарю подняться на ноги.

- Тэлли! - крикнул он своим людям.

- Пропали Летозо и Арканли, сэр! - крикнул один из рыцарей, когда они закончили подсчет голосов.

Не видя никого из Малфисов, мужчины принялись рыться в телах, в конце концов отыскав нескольких гвардейцев и двух рыцарей. Единственными причинами, которые они могли сказать, были серебристые доспехи, потому что их головы были разрезаны и превращены в руины соответственно.

Городскую стражу отослали назад к стене, чтобы принести носилки для раненых и убитых. Найя оттащил Эфрейна в сторону, пока стражники и рыцари стояли, прислонившись к стенам.

- Теперь я должен поблагодарить тебя как командира, Эфрейн. Возможно, сегодня ночью вы спасли нескольких моих людей. - Сказал он.

- Ну, может быть, ты будешь считать нас...

Что-то грохнулось на середину улицы, что-то достаточно большое, чтобы Найя отшатнулся и сбил Эфрейна с ног.

Существо было огромным, может быть, в два раза выше Эфрейна, и сидело на двух огромных передних лапах, которые складывались в Крылья. Человеческие голова и плечи, вплавленные в них, выглядели почти комично маленькими, за исключением половины, которая была изогнута и вытянута в огромный шпиль.

Громадный Малфис отступил назад, расправив крылья и вытянув вперед несколько маленьких рук, словно желая обнять что-то перед собой. В центре его груди зияла огромная черная дыра, края которой извивались и пульсировали в неестественной темноте. Его крик был настолько громким, что заставил нескольких гвардейцев, которые только что поднялись на колени, зажать уши от ужасного вопля. Существо откинулось назад на своих изогнутых ногах, грудные конечности свернулись в кольца, как паучьи лапы, подергиваясь и изгибаясь, когда они волнообразно двигались над чернотой.

И Найя был перед ним.

Мир, казалось, замедлился, когда человеческая фигура свернулась калачиком и зарычала на упавшего капитана. Конечности начали вытягиваться, как какая-то ужасная хватательная рука, готовая втянуть Найю в свою бездну. Эфрейн начал двигаться еще до того, как понял, что происходит. Шаг вперед, булыжники внизу, облака наверху. Кричащие шатающиеся люди, хватающиеся за конечности.

Все это улетучилось, когда он проник в душу существа. Это была такая душа. Если то, что творилось на кладбище, было бурей, то это был ураган, свирепое безумие удваивалось и удваивалось. Эфрейн чувствовал, как голоса рвут его на части, пытаясь вырвать кусочки его души, пока он продвигался все дальше и глубже. Крики боли и рычание ярости, казалось, слились воедино - злобный рой, который танцевал, перекрывая реальность.

Наконец он добрался до нее, до ее щеколды, арРой уже несся на него. Но все же, он отказывался двигаться, оковы этого проклятия были чем-то, чего он никогда не испытывал раньше, непостижимой сложности и силы. Это был сложный замок, где каждая секунда времени могла стоить ему и другим их жизней.

Разочарованный, измученный, отчаявшийся, он раздвинул границы, которые не испытывались веками, пытаясь распутать узы. Часть его разума восхищалась работой рук, наблюдая за простыми, но исключительными слоями. Другая часть наполовину поклялась и поклялась выследить этого человека и заставить его страдать за то испытание, через которое они его подвергли.

Он почувствовал, как что-то поддается. Мгновенный триумфальный прыжок был быстро отброшен, когда что-то начало тянуть его прочь. Пока он отчаянно боролся с потоком магии, его последняя мысль была уже не о знакомых, не об Инни, не о замке.

Это было больше похоже на: “Да пошел ты.”

И он упал, даже какофония криков, которые роились вокруг него, была вырвана. Это ощущение было непохоже ни на одно из тех, что он когда - либо испытывал, его существо искривлялось-растягивалось и сжималось, когда его уносили прочь, не находя даже малейшего ощущения покупки. Сознание начало угасать, несмотря на его борьбу, темнота ползла через его разум, воспоминания и эмоции. С последним усилием он попытался дотянуться до чего-нибудь, до чего угодно, но его тянуло все ниже и ниже.

Время ускользало вместе с ним, все чувства терялись, плавая в бесформенном океане образов, цветов, вкусов, запахов, все эти чувства текли вместе с ним… куда-то. Его охватила странная уверенность, что он возвращается куда-то, когда-то знакомое, где-то знакомое.

А потом ничего не было.

http://tl.rulate.ru/book/35048/1130983